

NATALIA DIDENKO

Uniwersytet Wrocławski

didenochka@mail.ru

Особенности интерпретации заимствованных неологизмов со значением лица в условиях двуязычия

Постсоветское языковое пространство характеризуется большим количеством заимствований. Существование на одной территории различных народностей ведет к лингвистическому смешению. Взаимопроникновение разнородных культур становится определяющим фактором в языковой обстановке многонациональных стран, создаются «идеальные условия для взаимодействия языков»¹. Петербургский лингвист А.В. Бабанов отмечает, что именно «наше время, часто называемое эпохой глобализации, характеризуется невиданными ни в одну из прежних эпох масштабами контактов между представителями различных народов и культур»².

Польский языковед М. Сарновски в статье *Polskie neologizmy z Rosją w tle — próba zrozumienia i interpretacji* пишет: «Eksponentami takich związków są między innymi liczne fakty językowe, zapożyczenia, które informują o kierunkach i intensywności kontaktów, a także dowodzą — wbrew niektórym wytartym opiniom — otwartości naszego społeczeństwa»³. Казахстан — яркое тому подтверждение. Несмотря на абсолютную непохожесть языков, казахский и русский лексиконы пополняются новыми словарными единицами за счет языкового «обмена». Культурное взаимодействие народов в рамках опреде-

¹ А.В. Бабанов, *О некоторых проблемах изучения заимствований в славянских языках*, [в:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 6*, «Slavica Wratislaviensia» CXLVII, ред. М. Sarnowski, W. Wysoczański, Wrocław 2008, с. 25.

² Там же, с. 25.

³ М. Sarnowski, *Polskie neologizmy z Rosją w tle — próba zrozumienia i interpretacji*, [в:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 4*, «Slavica Wratislaviensia» CXXVII, ред. I. Łuczaków, J. Sokółowski, Wrocław 2004, с. 233–241.

ленной географической местности (страны) позволяет индивидам понимать подобные языковые явления и воспринимать чуждые для устоявшейся лексической системы единицы без особых трудностей.

В статьях современных казахстанских русскоязычных публицистических изданий прослеживаются наиважнейшие процессы, происходящие на данном этапе развития русского и казахского языков, среди них — языковое взаимодействие.

Стоит уточнить, что, на наш взгляд, мы имеем дело с заимствованиями-неологизмами на основе языкового взаимопроникновения, а не с трансплантатами, о которых говорят петербургские ученые А.В. Савченко и М.С. Хмелевский в статье *Межславянские трансплантации в современной прессе*. Авторы утверждают, что «трансплантаты [...] отграничиваются от понятия заимствования, поскольку последние входят в язык, фиксируются в словарях, попадают в пласт литературной лексики, заполняя тем самым лакуны «безэквивалентности [...]». Таким образом, термин «трансплантант» понимается как «перенос слова из другого языка или в точности, или адаптировано [...]»⁴. В данной же работе представлены казахские слова, измененные в соответствии с русской грамматикой и выражающие собой реалии современного Казахстана, то есть, исследованные лексемы наделены номинативно-коммуникативной функцией. Кроме того, они используются в прессе неоднократно и постепенно входят в словарный запас современного казахстанца.

Для данного исследования (проведенного в форме анкетирования 97 человек в возрасте от 19 до 25 лет) сделана выборка «казахизмов» (так условно назовем эти лексемы) из казахстанской русскоязычной прессы последних 3-х лет.

Предлагались следующие слова: *агашика, акиматовец, абаевед, ауэзовед, абыроевец, азатовец, аксаец, алговец, адилетовец, алиевец, арнасаец, амангельдинец, бастык, аттановец, аятовец, бакаец, атыраучанин, желтоксановец, астанчанин, семейчанин, семеец, болашаковец, амангоша, гильдеровец, барысовец, жанбаец, жастаровец, жолполовец, мурагеровец, мутурганчик, нуротановец, бакаец, тамашист, умитовец, шыгысовец, шаныраковец, акимша, алашевевец, атажоловец, жанаозенец, жасотановец, кызылагашец, ботакаринец, дамушник, достаровец, куатовец, мажилисменка, сарыкемерец, семейчанка, убинец, караколец.*

В уже упомянутой выше статье М. Сарновского отмечено, что «w poszukiwaniu dróg rozwiązania [...] słów-zagadek warto zwrócić uwagę na problematykę rozumienia»⁵.

⁴ А.В. Савченко, М.С. Хмелевский, *Межславянские лексические трансплантации в современной прессе*, [в:] *Wyraz i zdanie w językach słowiańskich 6*, «Slavica Wratislaviensia» CXLVII, ред. М. Sarnowski, W. Wysoczański, Wrocław 2008, с. 403–408.

⁵ M. Sarnowski, *Polskie neologizmy z Rosji...*, с. 235.

Заимствования-неологизмы, предложенные анкетлируемым (студентам и магистрантам), были взяты из текста и для чистоты исследования даны обособленно (чтобы не было контекстных «подсказок» в отношении семантики дефинируемых слов). Интересно было выяснить, какие представления активизируются у русскоязычных и казахскоязычных опрошиваемых в соответствии с определенной базой их знаний о мире.

В результате проведенного анкетирования было установлено следующее:

1. Если у русскоязычных граждан Казахстана при определении неологизмов, образованных от корней государственного языка республики, мыслительные операции активизируются в области *знаний* исторического характера, а также политических событий последнего периода в стране, то казахскоязычные опрошенные пытаются *переводить* казахские корни слов и на основе этого давать дефиниции предложенным лексемам.

К примеру, в газете «Время» (№ 24 от 18 февраля 2010 г.) в статье *Заложники границы* автором использован неологизм-заимствование со значением лица «амангельдинец». В ответах русскоязычных казахстанцев чаще всего встречался вариант — «последователь Амангельды Иманова, предводителя восстания» (имевшего место на территории Казахстана в 1916 г.), тогда как у носителей государственного языка зафиксированы следующие предположения (на основе перевода): «человек, который *вернулся* из армии», «тот, кто *пришел* с благими намерениями» (аман *келді*). Давались инварианты определения с центральной семой движения — прихода («келді» — с каз. яз. «пришел»). Конечно, владеющие казахским языком опрошенные знают, кто такой Амангельды Иманов и какие исторические события связаны с его именем, но в интерпретации слов преобладал способ перевода.

Примечательно, что на самом деле верных ответов (по отношению к семантике слова, актуализированной в тексте) зафиксировано не было. Значение, что имело место в публикации, совсем иное: «Жители узбекистанских сел Арнасай и Амангельды уже давно просят, чтобы их аулы перешли к Казахстану. [...] Сейчас арнасайцы и *амангельдинцы* подали прошение властям о желании быть гражданами родной страны».

В республиканском издании «Взгляд» (№ 41 от 13 ноября 2009 г.) в публикации *Ханам достойное место, а подхалимов наказать!* находим неологизм-заимствование со значением лица, образованный на основе корня государственного языка Казахстана, «абыроевец». Для русскоязычных казахстанцев с дефиницией данной лексемы возникали проблемы, так как даже имеющиеся в сознании сведения не позволяли дать ответ. Владеющие государственным языком республики в очередной раз предлагали переводной вариант определения. Например, «честолюбивый человек», «человек с честью» («абырой» — с каз. яз. «авторитет, честь, престиж»).

На самом деле в тексте статьи «абыроевец» — член политического движения «Абырой»: «11 ноября лидер движения „Абырой“ Азамат Жетписбаев

уже во второй раз собрал конференцию в Алматы [...] Митинг запланирован на 22 ноября в Алматы. Гражданскую инициативу абыроевцев поддержали известные организации».

Статья *Приказано пристроить* в газете «Время» (№ 189 от 17 декабря 2009 г.) дала материал для исследования в виде заимствования неологического характера «болашаковец». Государственная программа Республики Казахстан обучения лучших студентов за рубежом известна многим учащимся, поэтому проблем с интерпретациями не возникло ни у кого из опрошенных. Однако, кроме определения «студент, проходящий обучение за рубежом по „Болашаку”», среди дефиниций у владеющих государственным языком встречались следующие: «человек, который смотрит в будущее», «человек будущего» («болашак» с каз. яз. — «будущее»).

Интересен факт, что некоторые носители государственного языка пытались интерпретировать неизвестные для них части слова в качестве русских корней. К примеру, неологизм «жолполовец» из газеты «Взгляд» (№ 37 от 16 октября 2009 г.) был определен как «человек, который сошел с половины пути» («жол» — с каз. яз. «путь», а часть слова «пол» интерпретировалась как русская лексическая единица — «половина»). Вторая дефиниция говорящего на госязыке Казахстана анкетированного и вовсе уходит корнями в праславянский период, поскольку отвечающим взята во внимание часть слова «половец». В результате образовалась дефиниция: «путь половца». Здесь мы видим ситуацию с обратной стороны, когда владеющие казахским языком привлекают знания из славянской истории. Но в данном случае это занимательное исключение из общей сложившейся картины.

На самом деле смысл, имевший место в статье, находится на поверхности слова — это работник дорожной полиции («жол полициясы» — с каз. яз. «дорожная полиция»): «Неделей раньше в Атырау произошла массовая драка финполовцев с дорожными полицейскими. Попытку задержания одного из „жолполовцев” за получение взятки в УДП посчитали провокацией, череда которых имела место в нескольких областях Казахстана». Несмотря на прозрачность семантики двух корней данный неологизм почти у всех опрошенных вызвал затруднения. Это можно объяснить недавним образованием данной лексической единицы на основе одноструктурного слова «финполовец», которое достаточно долго функционирует в словарном составе казахстанцев.

2. В исследовании принимали участие жители трех областей Казахстана: Северной, Восточной и Западной. В результате географическая разноплановость стала еще одним фактором, обусловившим появление расходящихся дефиниций «казахизмов».

К примеру, опрошенный из Северного Казахстана дал следующее определение неологизму-заимствованию «тамашист» из статьи *Академия юмора* в издании «Караван» (№ 11 от 12 марта 2010 г.): «тот, кто работает в магазине „Тамаша”» (который довольно известен в городе Щучинске).

В тексте же имелся в виду участник юмористической программы «Тамаша» (большинство анкетированных дали правильную с точки зрения контекста дефиницию), транслирующейся регулярно по казахстанскому телевидению:

«Главный национальный юмористический бренд „Тамаша” всегда выступал против дешевых шуток! [...]

— Расскажите, что будет в новой программе „Тамаша”?»

— Каждая наша программа чем-то отличается, — отвечает актер Марат Коккозов, „тамашист” с 10-летним стажем».

У опрошенных из Западного Казахстана при слове «достаровец» в сознании активизируется дефиниция «абитуриент, который подготавливался к ЕНТ (Единое национальное тестирование для выпускников школ) с помощью программы „Достар”, имеющей место на телевидении в Мангыстауской области [западная часть республики]», хотя «достаровец» из контекста статьи — это представитель музыкальной группы «Достар»: «Казахстанская группа „Достар” выиграла главный приз на международном конкурсе вокально-инструментальных ансамблей в Беларуси! [...] По мнению жюри, именно „достаровцы” оказались достойны больше других участников первой премии и денежного приза в размере 1500 долларов» («Караван», № 42 от 16 октября 2009 г.).

Пример «шыгысовец» был охарактеризован всеми невостоочноказахстанцами как «житель Восточно-Казахстанской области» («шыгыс» — с каз. яз. «восток»). Лишь представители Восточно-Казахстанской области дали верное определение, которое актуализировано в тексте: «тот, кто работает в „Шыгысэнерготрейд”», — поскольку именно восточноказахстанцы имеют представление о данной теплокомпании. Их знания позволили сконструировать правильное понимание неологизма-«казахизма»: «Тысячи ошибок ТОО „Шыгысэнерготрейд” — примерно столько потребителей получили в октябре счет за электроэнергию только на одного человека [...] Только с июня по сентябрь шыгысовцы обработали 88 тысяч договоров о купле-продаже электроэнергии» («Устинка плюс» № 45 от 5 ноября 2009 г.).

3. Абсолютно верные (в соотношении с контекстом) определения анкетированные дали неологизмам со значением лица, имеющим значение для казахстанцев на уровне государственного устройства и известные повсеместно. К примеру, самая влиятельная партия на территории Республики Казахстан — «Нуротан». Производное от названия со значением лица «нуротановец» без затруднений обрело нужную дефиницию: «член партии „Нуротан”». В статье *В ипотеке — как на войне* из республиканской газеты «Взгляд» (№ 41 от 13 ноября 2009 г.) актуализировано именно это значение (как, впрочем, и во многих других публикациях): «После этого акция переместилась к офису „Нур Отан”. Там ипотечники передали обращение зампредседателю партии Дархану Калетаеву и получили от нуротановцев обещание устроить

встречу с Еленой Бахмутовой». В статье *Президента РК жалко!* из газеты «Flash!» (№ 8 от 22–29 апреля 2010 г.) используется неологизм «партийцы-нуротановцы», в интерпретации которого преград не возникает.

Также новое слово «акиматовец» было определено всеми абсолютно верно: «тот, кто работает в акимате» (акимат — орган местного управления в Казахстане). Государственное устройство страны известно всем казахстанцам, потому что каждый населенный пункт в Казахстане имеет акима и такой орган управления, как акимат. Общеизвестное понятие в форме неологизма со значением лица не вызвало затруднений у анкетированных.

Интересны ответы опрошенных по поводу новообразования «акимша». В тексте статьи *Как живут на чужом горе?* из газеты «Караван» (№ 17 от 23 апреля 2010 г.) актуализирована дефиниция «женщина, занимающая должность акима»:

«— Все равно не напишите, что здесь творится: местный аким вообще с цепи сорвался...»

— Да мы этого акима вообще в глаза не видели, — сообщили нам чабаны из четвертого отделения села, — нам вообще ничего не дают! Все себе хапают... Она то и говорит: „Я сюда на два месяца приехала“ [...]

Мол, „акимша“ пригребла к рукам помойку...».

Большинство опрошенных правильно определило значение слова, но некоторые предложили следующее: «жена акима». В ходе анкетирования им задавался встречный вопрос: «Почему жена акима?». Ответы содержали в себе сомнение по поводу того, может ли женщина занимать такую высокую государственную должность. Возможно, данный подход связан с пережитками взглядов на положение женщин в обществе.

В ходе исследования не было затруднений и с определением значения неологизма, состоящего из двух корней: первый — казахского происхождения, второй — американского — «мажилисменка», грамматическое оформление — на основе русского языка («Время», № 181 от 3 декабря 2009 г.) — «женщина, которая работает в Мажилисе».

Все это политические реалии современного Казахстана — государственные посты, известные партии, находящиеся у всех на слуху. За деятельностью стоящих у руля власти следит вся страна, поэтому и трудностей с интерпретациями предложенных слов не было.

Положение дел в политической жизни Казахстана отражается и на языковом уровне. Это уже было показано выше. Занимательно, что в ходе исследования через лингвистический опрос просматривается такая ситуация в республике, как преимущественная однопартийность. «Казахизмы» со значением лица, обозначающим членов партии не пропрезидентского толка («азатовец», «алговец», «аттановец», «адилтовец» и др.), анкетированным чаще всего незнакомы. Неологизм «жасотановец» в плане интерпретации проблем не вызвал. Популярный в политических кругах корень «отан» по-

мог дать правильные дефиниции — «молодой представитель партии „Нур Отан”» или «представитель молодежной партии „Жасотан”», что, в принципе, одно и то же («жас» — с каз. яз. «молодой»): «А тут недавно получили подарок от „Жас Отана” — молодежного крыла партии „Нур Отан”: волонтеры-„жасотановцы” при поддержке градообразующего предприятия сделали нам бесплатный ремонт» («Аргументы и факты Казахстан», № 16 от 21–27 апреля 2010 г.).

После проведенного опроса анкетированным предлагались выписки из статей с теми неологизмами-«казахизмами», которым необходимо было дать определения. Понимание смысла не вызывало трудностей.

Таким образом, заимствования из словарного запаса казахского языка, оформленные по канонам русской грамматики, вне контекста представляют сложность для восприятия, причем, у казахоязычных и русскоязычных представителей видение и интерпретирование данных слов несколько разное.

Во-первых, владеющие госязыком Казахстана имеют преимущество, которым пользуются, *переводя* незнакомые лексемы. Однако это чаще всего уводило опрошенного от семантики слова, актуализированной в тексте. Именно контекст статьи зачастую определял лексическое значение неологизма-заимствования. Русскоязычные казахстанцы, как уже отмечалось, пользуются имеющимися у них знаниями исторического и политического характера.

Во-вторых, дефиниции также зависели от места проживания анкетированного и тех реалий, которые его окружают и являются важными в жизни. Здесь прослеживалась та же ситуация с еще большим отходом от правильного контекстного значения.

В-третьих, то, что является общеизвестным, находится на уровне государственного устройства, не представляет трудностей в понимании у всех опрошенных. Причем, дефиниции анкетированных совпадали с контекстным значением почти на сто процентов.

Список источников

- «Аргументы и факты Казахстан» — республиканское издание
 «Вестник Казцинк» — еженедельная газета компании «Казцинк» в Восточно-Казахстанской области
 «Взгляд» — республиканское издание
 «Время» — республиканское издание
 «Караван» — республиканское издание
 «Комсомольская правда Казахстан!» — республиканское издание
 «Мой город» — еженедельная газета Восточно-Казахстанской области
 «Устинка плюс» — еженедельная газета Восточно-Казахстанской области
 «Flash!» — еженедельная газета Восточно-Казахстанской области

Właściwości interpretacji zapożyczonych neologizmów oznaczających osoby w warunkach dwujęzyczności

Streszczenie

W niniejszym artykule zostało przeanalizowane zagadnienie rozumienia unikalnych leksemów-neologizmów oznaczających osoby (rdzeń należy do języka kazachskiego, ukształtowanie gramatyczne — na podstawie języka rosyjskiego) będące obywatelami kraju, w którym komunikacja realizuje się przy użyciu dwóch języków: kazachskiego i rosyjskiego. Dane jednostki leksykalne, wybrane ze współczesnej kazachstańskiej prasy rosyjskojęzycznej, często są odmiennie interpretowane przez użytkowników obydwóch wymienionych języków.

Słowa kluczowe: neologizm, zapożyczenie, interpretacja, współdziałanie kulturowe i językowe.

Peculiarities of interpretation of borrowed neologisms meaning people in conditions of bilingualism

Summary

In the article we consider the problem of understanding the unique lexemes-neologisms meaning people (root segment belongs to the Kazakh language, grammatical forming has the Russian basis), citizens of the country where communication is carried out by means of two languages — Kazakh and Russian. These lexical units, chosen from the modern Kazakh Russian-language press are interpreted differently by users of the two mentioned languages.

Keywords: neologism, borrowing, interpretation, cultural and language interaction.